

Кен Бруен

Вне полиции

В Ирландии нет частных детективов. Ирландцы такого не потерпят. Почему-то для них частный детектив — почти то же самое, что стукач. Здесь можно делать почти все, но стучать нельзя.

Я просто начал собирать информацию. Не слишком трудное дело, но требует терпения и ослиного упрямства. Последнее — моя врожденная черта.

Однако на улице я не вышел и не кричал: «Господь решил сделать меня сыщиком!» — Господу было все до лампочки.

Есть Господь, и есть его ирландский вариант. Поэтому он может на все плевать. Не то чтобы ему не интересно, он просто не хочет, чтобы его беспокоили.

Из-за моей прошлой карьеры считалось, что у меня есть связи. Что я знаю, как все происходит. Некоторое время меня разыскивали и просили помочь.

Иногда мне везло, и я помогал. На этой хлипкой основе начала создаваться репутация. Самое главное — я мало просил за свои услуги.

Пивная «У Грогана» не самая старая в Гэлуэе.

В то время как в других заведениях увлекались

унисексом
низкокалорийной пищей
караоке
наркотиками,
она осталась такой же, какой была лет пятьдесят или даже больше назад.

Некоторые люди живут так, будто вся их жизнь — сплошное кино. Саттон жил так, будто его жизнь — плохое кино

Только в «Известиях» читайте роман «Стражи» ирландского писателя Кена Бруена, признанный лучшим британским детективом прошлого года, получивший одну из самых престижных наград, которой отмечаются произведения детективного жанра, — премию Shamus. Роман рассказывает о приключениях бывшего полицейского, а ныне спивающегося частного сыщика Джека Тейлора. Он берется за расследование, казалось бы, частного и простого дела, но очень быстро выясняется, что все не так просто и дело выходит далеко за рамки частных интересов. Полностью роман будет опубликован в издательстве «Рипол-классик».

РИСНОК АНДРЕЙ СКИЛЛЕТА

Эта пивнушка была моим офисом. Я по утрам обычно сидел там и ждал, когда мир постучится и войдет. Шон приносил мне кофе. С каплей коньяка... чтобы убить горечь...

В пивную вошла женщина, огляделась и прошла к стойке. Я пожалел, что выгляжу так себе. Опустив голову, попробовал задействовать свои детективные способности. Или, вернее, наблюдательность. Я только взглянул на нее. Что мне запомнилось? Темное пальто средней длины, хороший покрой. Глубоко посаженные глаза, носик пуговкой, крупный рот. Хорошенькая, но не слишком. Туфли на низком каблучке, хорошие, кожаные.

Вывод: дамочка не по мне. Она заговорила с Шоном, он показал на меня. Она направилась ко мне, и я поднял голову.

— Мистер Тейлор? — спросила она.

— Угу.

— Можно вас на пару слов?

— Конечно, присаживайтесь.

Вблизи она оказалась симпатичнее, чем издали. Вокруг глаз глубокие морщины. Я решил, что ей под сорок.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил я.

— Тот человек обещал принести кофе.

Пока мы ждали, она изучала меня. Не тайком, а открыто, без смущения. Подошел Шон с кофе... и — обратите внимание! — тарелкой печенья. Я выпархивался на него, и он смутился.

— Не твое дело.

Когда он ушел, она сказала:

— Он такой хрупкий.

Не подумав, ляпнул ужасную глупость:

— Он? Да он нас с вами похоронит.

Она вздрогнула. Мне показалось, ей захотелось спрятаться. Я кинулся напролом.

— Что вы хотели?

Она взяла себя в руки.

— Мне нужна ваша помощь.

— В чем?

— Мне сказали, вы можете помочь.

— Ну... может быть...

— Моя дочь... Сара... она покончила с собой в январе. Ей было всего шестнадцать лет.

Я состроил соответствующую гримасу. Она продолжила:

— Я не верю... что она себя убила... она не могла.

Я с трудом сдержал вздох.

Она коротко с горечью улыбнулась и заметила:

— Любая мать, наверное, так скажет, да? Но потом кое-что случилось.

— Потом?

— Да, позвонил какой-то человек и сказал: «Ее утопили».

Это проняло меня. Я попытался собраться с мыслями и переспросил:

— Что?

— Так он сказал. Больше ничего, только эти два слова.

Тут я сообразил, что даже не знаю ее имени.

— Энн... Энн Хендерсон.

Что-то я не форме. Надо бы привести себя в порядок. Я залпом допил слобренный коньяком кофе. Немного помогло.

— Миссис Хендерсон... я...

— Не миссис... я не была замужем. Отец Сары оставил нас давным-давно. Нас было всего двое... вот почему я знаю, она бы меня не бросила... никогда.

— Энн, когда случаются такие трагедии, иногда находятся придурики и всякие идиоты. Их притягивает чужая беда. Они расцветают на чужом горе.

Она закусила губу, потом подняла голову.

— Он знал. — Она порылась в сумке, выудила оттуда пухлый конверт и сказала: — Надеюсь, этого хватит. Мы копили деньги на поездку в Америку. Сара мечтала об этом. — Положила рядом с деньгами фотографию.

Я сделал вид, что смотрю.

— Вы попытаетесь? — спросила она.

— Не могу ничего обещать.

Знаю, есть много всякого, что я должен был, обязан был, мог сказать. Но я промолчал.

Она спросила:

— Почему вы пьете?

Застыла меня врасплох.

Я ответил:

— Думаете, у меня был выбор?

— А, все это чушь.

Я уже почти разолился, хотя еще крепился.

— Тогда почему вы хотите, чтобы вам помог... алкаш?

Она встала, смерила меня суровым взглядом и сказала:

— Все говорят, что вы стоящий парень, потому что в вашей жизни больше ничего нет.

И ушла.

...

Я сходил на могилу погибшей девушки.

Ее похоронили на кладбище в Рахуне. Там же, где лежит любовник Норы Барнакл.

Не могу объяснить, почему мне захотелось начать отсюда. Могилы моего отца находятся на небольшом холмике. Я был в слишком растрепанных чувствах, чтобы заглянуть к нему и поздороваться. Бывают дни, когда я так остро ощущаю эту потерю, что даже не могу поздороваться.

Могилы Сары Хендерсон оказалась у восточной стены. Одно из немногих мест на кладбище, куда заглядывает солнце. Кустарный, временный крест с надписью:

Сара Хендерсон

И все.

Я сказал:

— Сара, я сделаю, что смогу.

У ворот я нашел платный телефон и позвонил Кэти Б. Она сняла трубку на девятом гудке.

— Чего?

— Кэти, какие дивные манеры!

— Джек?

— Ну да.

— Как ты?

— На кладбище.

— Хорошо, что не в могиле.

— Поработать можешь?

— Разумеется, есть-то надо.

Я рассказал ей про Сару, сообщил все подробности и добавил:

— Поговори с ее школьными подружками, приятелем...

— Не учи ученого.

— Извини.

— Так и быть. Позвоню через несколько дней.

Клик.

Кленси из Роскоммона, мой бывший коллега, сильно вырос по службе. Я стоял у полицейского участка и думал, будет ли он рад мне.

Глубоко вздохнул и вошел. Полицейский, лет двенадцати от роду, спросил:

— Да, сэр?

«Господи, как же я постарел», — подумал я.

— Я бы хотел повидать мистера Кленси.

Не знаю, в каком он сейчас звании.

Глаза мальчишки вылезли из орбит.

— Старшего полицейского инспектора?

— спросил он.

— Наверное.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Вам назначено?

— Скажи ему, Джек Тейлор пришел.

Он подумал и заявил:

— Я проверю. Ждите здесь.

Я послушался.

Почитайте доску объявлений. Может

показаться, что полиция — этакое теплое местечко. Я-то знал, что это не так.

Сопляк вернулся.

— Старший инспектор примет вас в комнате для допросов. Я вас провожу.

Что он и сделал.

Комната была окрашена в ярко-желтый цвет. Единственный стол, два стула. Я сел на тот, где обычно сидит подозреваемый. Подумал, не снять ли пальто, но решил, что тогда они отнимут его. Не стал раздеваться.

Открылась дверь, и вошел Кленси. Совсем не тот зверюга, как я его помнил. Он, как говорится, набрал вес. Правильнее будет сказать, растолстел. Что, вне сомнения, больше к лицу старшему инспектору. Лицо красное, щеки обвисли.

— Это надо же! — удивился он.

Я встал и сказал:

— Старший инспектор.

Ему понравилось. Он предложил мне сесть.

Я сел.

Мы не торопились, приглядывались, оценивали друг друга. Обоим не понравилось то, что мы видели.

Он спросил:

— Чем могу тебе помочь, парень?

— Всего лишь капелькой информации.

— Вот как...

Я рассказал ему о девушке, о просьбе матери.

Он сообщил:

— До меня дошло, что ты стал кем-то вроде частного сыщика.

Я не стал отвечать, лишь кивнул.

— Я ожидал от тебя большего, Джек.

— Больше чего?

— Больше, чем обирать убитую горем женщину.

Слышать это было больно — уж слишком похоже на правду. Он пожал плечами и добавил:

— Я помню дело. Самоубийство.

Я рассказал о телефонном звонке.

Он с отвращением вздохнул.

— Может, ты сам и позвонил?..

Я сделал последнюю попытку.

— Могу я посмотреть досье?

— Ты что, совсем спятил?.. Пойди про- трезвей...

— Это означает «нет»?

Он встал, открыл дверь, и я попытался придумать какую-нибудь блестящую реплику на выход. Ничего не придумалось. Пока я ждал, что меня выведут, он сказал:

— И не мешайся под ногами, Джек.

— Уже мешаюсь.

Некоторые люди живут так, будто вся их жизнь — сплошное кино. Саттон жил так, будто его жизнь — плохое кино.

Говорят, разница между одним другом и отсутствием друзей — бесконечность. Я с этим согласен. И с тем, что нельзя назвать неудачником человека, у которого есть друг. Вынужден с этим согласиться.

Саттон — мой друг.

Несколько следующих дней мы занимались расследованием. Пытались найти свидетелей «самоубийства». Таковых не оказалось. Поговорили с учительницей девушки, ее школьными друзьями и почти ничего не выяснили. Если Кэти Б. ничего не рассказывает, дело можно считать законченным.

Вечер пятницы я решил провести спокойно. Пиво и чипсы принести домой. Увы, пиво я д до дома не донес. Только чипсы. Купил еще кусок рыбы. Какой-никакой ужин.

Нет ничего более успокаивающего, чем пропитанные укусом чипсы. Пахнут детством, которого у тебя никогда не было. Я приближался к своему дому в довольно хорошем настроении. Первый удар я получил, когда свернул к своей двери. По шее. Затем удар по почкам. Странно, но я почему-то не выпускал из рук чипсы. Два мужика. Здоровых. Они отделили меня очень профессионально. Череда пинков и ударов в точном ритме. Без злости, но с любовью к делу. Я почувствовал, что мне сломали нос. Честное слово, я слышал хруст. Один из них сказал:

— Возьми его руку и расправь пальцы.

Я попытался сопротивляться.

Затем растопыренные пальцы лежали на мостовой. Она казалась холодной и мокрой. На них дважды опустился ботинок. Я заорал во все горло.

На этом побои закончились.

Другой сказал:

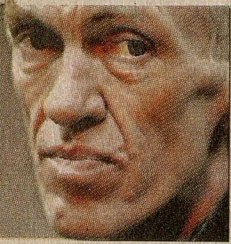
— Не сможет какое-то время играть с собой.

Затем голос у самого моего уха:

— Не суй свой нос в чужие дела.

Мне хотелось кричать: «Позовите полицию!»

Когда они уходили, я попытался сказать: «Могли бы сами купить себе чипсы» — но рот был полон крови.

Кен Бруен (Ken Bruen) родился в городе Гэлуэй в Ирландии в 1951 году. В течение двадцати пяти лет он преподавал английский язык в Японии, странах Африки, Юго-Восточной Азии и Южной Америки. С конца девяностых годов к нему приходит писательская известность, в особенности после публикации романа «Ее последний звонок Луису МакНису» (Her Last Call to Louis MacNiece), который был принят к кинопроизводству. Всего им написано двенадцать романов, в том числе и трилогия о детективе Джеке Тейлоре. В эту трилогию входит и роман «Стражи» (The Guards), получивший литературную премию Shamus в 2004 году. Именно эти произведения сделали Бруена популярным не только в Англии и Ирландии, но также за пределами Великобритании.